

Фотограф одного города

Ретроспектива Brassая в Новом Манеже

Космический В. - 2006. - 29 марта - с. 21.

Одно из центральных событий нынешней фотобиеннале — ретроспектива прославленного французского фотографа Brassая в Новом Манеже, представленная парижским Фондом Brassая. Снимки Brassая видели даже те, кто никогда всерьез не изучал историю фотографии, — его кадры ночного Парижа давно разошлись на открытки. Разглядеть в знакомых снимках город, некогда оказавшийся откровением и для самих парижан, старалась ИРИНА КУЛИК.

Самые хрестоматийные и самые убедительные образы Парижа между двумя войнами, как правило, создавались иностранцами, например Генри Миллером или Эрнестом Хемингуэем. Brassай, чьи репродукции на сувенирно-букинистических развалах на берегах Сены неизменно соседствуют с изданиями «Тропика Рака» и «Праздника, который всегда с тобой», также иностранец, вымечтавший свой Париж задолго до того, как ему удалось запечатлеть этот город на пленку. Рожденный в небольшом городе в австро-венгерской Трансильвании под именем Дьюла Халас, франкофил с детства, он получил художественное образование сначала в Будапеште, а потом в Берлине. Переехать в любимый Париж он смог только в 1924 году — до этого ему, как и всем гражданам государств-противников Франции в первой мировой войне, был запрещен въезд в эту страну.

Среди сюрреалистических образов Парижа у Brassая есть и обычные, романтические

В Париже Brassай (под этим именем он и прославится) зарабатывает на жизнь журналистикой — и начинает фотографировать, потому что заказчики просят сопровождать репортажи снимками. А ночами тусуется с космополитичной парижской богемой — Сальвадором Дали, Генри Миллером, Блезом Сандаром. В том, что из хроникера Brassай превратился в одного из величайших фотохудожников, наверное, косвенно

повинны его друзья-сюрреалисты. Именно в сюрреализме фотография обрела совершенно особую, парадоксальную роль объективной документации того заведомо субъективного и недостоверного опыта, исследование которого и занималось это движение. Так, лидер сюрреалистов Андре Бретон иллюстрировал фотографиями, в том числе и снимками Brassая, свои романы «Надя» и «Безумная любовь», описывающие не

столько канву событий, сколько перипетии внутренней жизни автора.

Париж, который снимает Brassай, — город на грани сна и яви, объективной реальности и галлюцинации, дня и ночи, когда знакомые детали привычного дневного ландшафта вдруг оказываются элементами образующегося на твоих глазах неведомого зачарованного мира. Он снимает исчезающие в тумане набережные, тревож-

ные, обезлюдившие улицы, похожие на декорации для фильма «нуар» и освещенные ночными фонарями вывески магазинов, превратившиеся в какие-то зашифрованные послания. Одна из представленных на ретроспективе серий Brassая посвящена еще одной разновидности городской тайнописи — а именно уличным граффити, которые Brassай стал снимать едва ли не первым. Правда, эти письма совсем не похожи на их современные аналоги. Чаще процарапанные, нежели нарисованные надписи и изображения (довольно часто это лица, напоминающие архаические маски) хочется назвать даже не настенными, а наскальными: они кажутся произведениями первобытных племен, чудом продолжающих существовать в современном городе.

Ночной Париж Brassая далеко не всегда безлюден — но населяющие его персонажи вряд ли встречаются в дневном городе. Brassай создает серии портретов сумеречной парижской фауны: старух с пальцами, униженными перстнями, коротающих вечера за столиками кафе, барменш с вызывающе непринятыми лицами, завсегда таево прославленных «негритянских балов», трансвеститов обоого пола: женщин при галстуках и с набриолиненными шевелюрами, густо накрашенных, в перьях и шляпах с вуалями «дам», в которых можно узнать переодетых мужчин, и прочих причудливых созданий, в которых и по наши дни

влюблена фотокамера, словно бы стремящаяся показать персонажей, невидимых невооруженным глазом.

Не менее сюрреалистичны и браассаевские натюрморты. Он создает серии фотографических «найденных объектов» — застывший комок зубной пасты, превратившийся в морское чудовище, неожиданно эротичный крупный план ножниц, чья сердцевина выглядит лонном женской фигуры, изваянной архаичным скульптором.

Впрочем, Brassай далеко не всегда был ортодоксальным сюрреалистом. Рядом с портретами всевозможных фриков на выставке присутствуют и добротные бытописательские кадры «городских типов» — например, ражего мордастого грузчика с рынка. Рядом с «найденными объектами» — эталонно красивые крупные планы цветов, не вызывающих никаких двусмысленных ассоциаций. Ночной Париж также не всегда выглядит декорацией сюрреалистического триллера — этот город вполне подходит и для традиционных романтических свиданий, участники которых не ищут никаких сомнительных или экстремальных приключений. Brassай и запечатлел на пленку раскрывающийся только внутреннему зрению Париж сюрреалистов, и обустроил его для нужд простых сметных: теперь именно в этот город, некогда, наверное, казавшийся terra incognita даже самим парижанам, стремится попасть каждый турист.